

Девочка капризничала. У нее разболелись ушки, и она требовала, чтобы все ее развлекали.

— Вы должны веселить меня всегда. Все время! Мне скучно! А вы должны меня занимать.

Мама только что закапала капли в уши девочки и покачивала ее на коленях.

— Давай, я прочитаю сказку, — сказала мама.

— Нет! Играть! Я хочу играть!

— Но мы с тобой поиграли. Тебе полежать надо, может, поспать.

— Не буду спать, не хочу. Играй со мной! Ты должна.

Мамин голос стал строже:

— Я хочу тебе помочь не потому, что должна, а потому, что люблю тебя.

— Не любишь.

Мама поцеловала ее в ушко, но девочка отвернулась к стене и сказала:

— Уходи. Меня никто не любит. Я одна буду. Ты мне не нужна.

Мама грустно вздохнула и вышла.

— Закрой дверь, — обиженно крикнула девочка вслед. Она прикрыла глаза, и показалось, что ветерок обдувает ее

разгоряченный лоб. Она посмотрела на окно. Оно было закрыто. А в ногах на постели кто-то сидел. Легкая белая ткань окутывала фигуру как облако.

Повеяло приятной прохладой. Ушко перестало болеть. Дышать стало легче. «Кто это?» — подумала девочка. И не услышала, а почувствовала ответ. Как будто листья зашелестели: «Твой Ангел-Хранитель».

— Меня все бросили, и мама не любит, — пожаловалась девочка.

— Нет, — неторопливо ответил Ангел, — ты сама знаешь, что это не так. Но тебе плохо. Я здесь, чтобы тебе помочь. Расскажу тебе сказку.

Жила-была девочка. Звали ее Алушенька. Кто назвал ее так и почему — она не знала.

Да и других загадок в жизни много было. Вот, например, она все по дому делать умела. А кто научил — не помнила. И жил ли кто еще в этой избушке с ней раньше — тоже не знала. Только с кошкой и разговаривала. Но ведь не кошка же ее говорить научила. Так и жили вдвоем. Алуша весной сажала, а осенью собирала урожай. Далеко от избушки не уходила — заблудиться боялась. Утром хлеб пекла, в огороде работала. А вечером двери все крепко на засов запирала, у окон ставни закрывала, забиралась на печку теплую с кошкой и слушала ночь да лес. И казалось ей иногда, что кто-то зовет ее: «Алууушшшенька». Зовет громким шепотом, вроде человеческим. А вроде и не совсем. Но засовы крепкие, ставни заперты, кошка рядом. Печка теплая. Как-то засыпала. А утром проснется — в щели ставен солнце просачивается, кошка мурлычет. Страхов и не оставалось.

Избушку крепкую кто-то сделал. Печка не дымила, а от двери шла широкая тропинка в лес. Ее никто не протапывал. Но она не зарастала летом. А зимой снегом не заносилась. Сугробы рядом, а тропинка чуть льдом подморозится, и сдувает с нее ветер снег.

Зимой Алуша по тропинке почти не ходила. Только снега собрать и растопить, чтобы воды было достаточно, да баньку истопить.

А летом по тропинке ходила, недалеко, правда. И вот еще что удивительно: присядешь отдохнуть на теплый песок, положишь ладони на тропинку и чувствуешь, отдается в ладонях биение: тук-тук, тук-тук... Как будто у тропинки сердце бьется. И чувство такое радостное, теплое. Как с родным человеком поговорила. Сидела она так иногда подолгу. И чем дольше слушала биение сердца, тем больше хотелось ей побежать по этой тропинке, узнать, куда она ведет. Казалось, откроются тайны. Может, она встретит того, кто ей все объяснит. А может, просто придет к людям, и закончится ее одиночество. Но приходила ночь. И шепот «Алууушшшенька» загонял ее в дом, заставлял запереть все засовы и ждать, ждать утра.

Так прошло несколько лет. Девочка подросла, посмелела. И вот летом по утрам стал ей слышаться колокольный звон. Издалека. С той стороны, куда тропинка вела. Звонит и зовет. Зове-е-е-т.

Не выдержала она. Положила в котомку хлеба. Взяла крепкую палку, а кошку на плечи посадила. Избушку заперла и утром рано вышла на тропинку. Себе зарок дала — не сворачивать никуда. А если тропка станет теряться в траве — вернуться домой.

Солнышко светило, птички пели. Далекий колокольный звон указывал направление. Идти было легко. Тропинка даже шире стала.

